

ДЛЯ ТЕАТРА полвека — возраст немалый, Витебскому театру имени Якуба Коласа до этой даты — еще два года. Сменилось не одно сценическое поколение, большинство тех, кто стоял у истоков БДТ-II, мы уже не увидим на витебской сцене, а приходившие в последующие десятилетия юные артисты, — переходят или уже перешли на «взрослые» роли. Собственно, сейчас в Витебском театре на сцене — четыре поколения, и все они щедро представлены в репертуаре.

Афишей Витебского театра имени Я. Коласа рядом с мастерами полноправно владеют репертуаром вчерашние выпускники театральных вузов (и, добавим, более всего — Белорусского театрально-художественного: витебляне, по давней традиции, настойчиво приглашают его выпускников); рядом с народными артистами БССР Н. Звездочетовым и А. Шлеглом, Ф. Шмаковым и З. Конопелько, А. Трусом и И. Матусевичем, рядом с более молодыми, но хорошо известными заслуженными артистами Г. Маркиной и В. Кулешовым, Г. Дубовым и Т. Косытисом активно работают О. Беззубова и П. Ламан, Г. Кухальская и Е. Фалевич...

Они не просто заняты в репертуаре — их имена начинают афиши: О. Беззубова, в прошлом году окончившая БГХИ, играет сложнейшие центральные роли — Нелли в «Униженных и оскорбленных» по Ф. Достоевскому, Еву Побратимскую в «Истории грехов» по С. Жеромскому, Зою в «Стелерах» Г. Бокарева; Е. Фалевич — Велимира в «Докторе философии» Б. Нушича, Яснаха — в «Истории грехов»; Г. Кухальская и П. Ламан — Алену и Михаса в «Тревогах» А. Пе райкевича, Светлану и Василия в пьесе «Таблетку под язык» А. Махенка...

Перечень можно продолжить, и немалая в том заслуга руководства театра.

Замечательный русский актер Александр Ленский говорил: режиссер — это человек, у которого в театре до всего есть дело. Как нельзя лучше согласуется это определение с характером главного режиссера Витебского театра С. Казимировского, на редкость активного, творческого и отважного человека... Именно отважного: главный режиссер приглашает в свой театр режиссеров — известных талантом и молодых, создает им наиболее благоприятные условия, — не опасаясь «конкуренции», заботясь о благе театра... Главный режиссер следит за выпуск-

ным творцом театрального — и общает не излитые горы, а реальную роль в ближайшей премьере, так что новичок сразу же окунается в работу и живет с перспективой. Главный режиссер выступает в печати со статьями по жгучим вопросам театральной практики. Главный пишет, что «...подлинное искусство режиссера состоит в том, чтобы выражать себя не за драматурга, не за артиста либо художника, а через них. А на это нужно много терпения и подлинно творческого бескорыстия», — и в спектаклях, им поставленных, мы это увидим, так сказать, на практике.

Добрая традиция не жалеть сил и доброты для воспитания молодых — в театре живет данно (заметьте, что хранить традиции — тоже дело непростое...). Как и давнее правило — еще БДТ-II — искать и находить новых авторов, работать с ними, создавая в

красивейшем конфликте. Занавешивая гаси-роль «Нестеркой» — утверждают свою не-стареющую приверженность к националь-ной драматургии. В «Истории грехов» анализируют непреходящий нравственный смысл драмы героев романа знаменитого польского писателя. В «Тревогах» — горячо за-зывают на схватку с «зеленым змием», активно вмешиваются в сегодняшнюю работу. В «Таблетке под язык» — остро, публицисти-чески злободневно — с любовью и внима-нием показывают один день из жизни пред-седателя колхоза Керая — из жизни се-годняшнего села.

НАЧИНАЯ спектакль с истинного пу-тушного крика, с самой высокой ноты незлобного, но громогласного де-ревянского скандала, режиссер А. Смеля-ков заканчивает его патетически. Расцвет спектакля забавными и озорными выдумка-

мистное обаяние и недюжинный интеллект, и когда стремительный бег спектакля под-ходит к финалу, — как логическое его за-вершение приходят слова Керая о при-звании.

Л. Толстой утверждал, что суть художест-венного произведения — открытие по со-держанию и изобретение по форме». А. Смеляков, Ф. Шмаков, И. Матусевич (дед Цибулька), глубоко раскрыли смысл и содержание «Таблетки», главных ее обра-зов, сумели «изобрести» и форму подачи этого содержания. Потому дед Цибулька у колосовцев ни на йоту не традиционный колхозный дед-резонер, а живой, на-стоящий, азартный и по-юному любозна-тельный человек.

Смешной старикан в растоптанных валенках и клетчатой рубашке с плеча любимого внука Юрки, го-ворит: любите человека на земле — и

рисой в неукротимую яркую личность. «История грехов» страдает типичными для инсценировок погрешностями, частично сглаженными в силу того, что один из авто-ров инсценировки Б. Луценко — режиссер спектакля. Но доброе, но гуманное начало романа С. Жеромского звучит с живой си-лой, воплощенное в образах спектакля.

В комедии «Доктор философии» Г. Дубов блеснул отточенной техникой зрелого ма-стера; комедия — стихия этого актера, тем более эта прославленная комедия, где ак-теру предоставляется необозримое поле для творчества. Вокруг Дубова — Животы Цайковича — образуется прямо-таки грозо-вая комедийная атмосфера, где каждое мгновение взрывается фонтаном импрови-заций, неожиданных находок. Все это бога-тство точно выверено, каждая деталь ис-пользована к месту, с хорошим вкусом, чем

ГАСТРОЛИ

ЖИВОЕ ДЕЛО — ТЕАТР

театре и пьесу и спектакль.

Вглядитесь в афишу нынешних гастролей театра в Минск: «излитая карточка» Ви-тебского театра — «Нестерка» В. Вольского, — начала свою дорогу в Витебске; «Снежные зимы» по И. Шмиддину, «Тревога» А. Пе-рашкевича, инсценировка «Истории грехов» — рожделись здесь, в театре. Если бы мы совершили путешествие в историю театра, то нашли бы не один десяток таких спектаклей.

Этот путь бывает каменистым, иной раз «издержки» превышают затраченные уси-лия, но витебляне, считая, что исключения лишь подтверждают правило, не отступают. Может, именно поэтому в их афише редки «кассовые одиодневки» и богато пред-ставлена национальная драматургия. Наверное, поэтому они быстрее других откликаются на злободневные вопросы, создавая спек-такль, который трудится на сегодняшний день, — как это произошло с «Тревогой».

Открыв гастроль «Стелерами», колосов-цы заявили о своем стремлении рассказывать о сегодняшнем рабочем классе, выделяя при этом широкий общественный диапазон

ми, куклами, музыкальными шаржами, оформив спектакль изобретательно и на-рядно (художник А. Соловьев); — худож-ник и режиссер организовали атмосферу «Таблетки» — атмосферу жизнерадостно-сти, буйства сил, небудничности будней. В стремительном темпе развивается действие, то подхлестнутое музыкальной фразой, то ускоренное сменой места, набегает одно на другое — такой он, наверное, и есть, подлинный день председателя Ка-рая — во всем многообразии мелких и крупных дел, забот, проблем... И в центре всего он — улыбающийся, справедливый, уни-ца и хитрец Керая — человек, которому дано обновить понятие «любить землю».

Ф. Шмаков привел в спектакль сегодняш-него председателя — государственного че-ловека, умеющего мыслить диалектически и действующего масштабно, но за масштабом не упускающего отдельного человека. Соб-ственно, именно с одного человека и начи-нается у Керая государство, потому: так обстоятельно он разбирается в каждом де-ле — и в, казалось бы, пустяшном, и в главном. Ф. Шмаков подарил Керая ред-

убедает, не театрально — по-человечески убеждает.

В антракте кто-то пошутил: каждому ре-жиссеру свой театр — к лицу. А. Смелякову оказался «лишу» Витебский театр — об этом свидетельствуют поставленные им спектакли (и не вина колосовцев, что ушел режиссер из Белоруссии). Добавим: и дра-матургу. Пьесы Махенка ставят в Минске, Уфе, Таганроге, Шауляе... Но в Белоруссии — в доме драматурга — как нигде находят его интонация, окраску, атмосферу.

ВИТЕБСКИЙ театр в своих лучших ра-ботах не отгораживается от зрителя «каждымичасом», не требует обще-ния, диалога, приглашает к размышлению, вернее, к «соразмышлению». А вот в «Ис-тории грехов» зритель «прорывается» лишь главная героиня — Ева (Г. Маркина), и по-тому спектакль в целом кажется излишне многословным, громоздким, а порой эклек-тичным. Однако актриса выходит из этого единоразового победительницей: яркая са-мообытность Евы, ее трагедия, крушение на-дежд, ее искалеченная и все-таки оживля-ющая вера в жизнь — все это собрано акт-

могут похвастаться, к сожалению, не все исполнители в этом спектакле.

Давно пересмотрено определение «театральной провинции». Оно, пожа-луй, теперь понятие не географиче-ское, а эстетическое. В Витебском театре убеждаешься в справедливости последнего: наряду со спектаклями высокой художест-венной ценности попадаются, хоть и анги-ные, но не радующие ни зрителей, ни те-атр. А зритель в Витебске особенный, вос-питанный театром Якуба Коласа. Его, зри-теля, как правило, «организмически» сам театр — вопрос только, как: при помощи распространителей билетов или таскерки. Короче говоря, на зрителя в Витебске жа-ловаться не положено: хорош зритель — театра заслуга, нехорош — опять-таки те-атр виноват...

Театр имени Якуба Коласа в своем горо-де — в ответе за все театральное искусство в целом. Задача почетная — но и в такой же степени трудная. Она-то и определяет ны-нешний и завтрашний день театра.

Л. БРАНДОВСКАЯ.